

Особенности вклада Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития в устойчивое развитие

Кузнецов Алексей Владимирович

Доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Аразгелдиев Гуйчгелди Аразгелди оглы

Обучающийся,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
E-mail: 208877@edu.fa.ru

Син Владислав Дмитриевич

Обучающийся,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
E-mail: 223087@edu.fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

АБИИ, НБР, устойчивое развитие, развивающиеся страны, структурная зависимость, геополитическая экономика

АННОТАЦИЯ

В статье проводится выборочная оценка влияния Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР) на экономическое и социальное развитие развивающихся стран. На основе эмпирических данных и анализа проектов банков проверяется гипотеза о том, что несмотря на декларируемые цели по содействию Целям устойчивого развития ООН, их деятельность в основном воспроизводит структурные зависимости экономик стран-реципиентов. С использованием критерия “реальное развитие” (рост автономии, снижение зависимости, создание высокотехнологичных производств) показан минимальный вклад анализируемых проектов в структурные изменения. Реализация инфраструктурных проектов увеличивает размер задолженности без оздоровительной для экономики диверсификации структуры экспорта или локализации технологий. Проведенный анализ позволил выделить ряд взаимосвязанных причин, объясняющих геополитическую подоплеку интересов новых банков развития и провести сопоставление их деятельности с политикой традиционных многосторонних финансовых институтов. Теоретическая значимость исследования состоит в разработке и апробации системы критериев “реального развития”, которая выходит за рамки традиционных количественных метрик, таких как объемы финансирования или номинальный рост ВВП. Разработанная методика, интегрирующая экономические, социальные, технологические и финансовые индикаторы, позволяет проводить более нюансированную оценку эффективности кредитования по линии многосторонних финансовых институтов. Предложены рекомендации повышения эффективности АБИИ и НБР в финансировании проектов в развивающихся странах и направления дальнейших исследований рассматриваемой проблематики. Сделан вывод, что реальные сдвиги в расстановке сил в глобальной экономике зависят от способности новых банков развития сбалансировать свои геополитические амбиции с удовлетворением реальных потребностей развивающихся стран.

JEL codes: F02; F33; F65

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-169-185>

Для цитирования: Кузнецов, А.В. Особенности вклада Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития в устойчивое развитие / А.В. Кузнецов, Г.А. Аразгелдиев, В.Д. Син. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 1. – С.169-185. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.01.2026)

Введение

С 2015 г. мировая финансовая архитектура претерпела значительные изменения с созданием новых многосторонних институтов развития — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР). Эти банки позиционируются как альтернатива доминированию классических международных финансовых институтов – Всемирного Банка и МВФ. Их деятельность направлена на финансирование инфраструктуры, поддержку Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) и снижение зависимости от доллара США [19]. АБИИ, в котором Китай является крупнейшим акционером, фокусируется на проектах “Один пояс — один путь” (ОПОП), в то время как НБР подчеркивает равноправие учредителей (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) и использование национальных валют [27].

Между тем, эмпирические данные ставят под сомнение эффективность проектов АБИИ и НБР, которые часто реализуются без значительной локализации технологий, подряды преимущественно достаются компаниям стран-учредителей, а рост государственного долга не сопровождается развитием в экономиках стран-реципиентов секторов с высокой долей добавленной стоимости [44]. Например, в Кении реализация проекта Nairobi Expressway привела к росту долга до примерно 67–70% ВВП в 2024–2025 гг. [36], не оказав при этом стимулирующего воздействия на диверсификацию экспорта, структура которого сохранила свою сырьевую направленность. В Пакистане реализация проекта Lahore Metro привела к увеличению долга до 70–73% ВВП [2], но при этом не сопровождалась трансфертом необходимых технологий. Потенциальные арктические проекты в России усиливают зависимость от экспорта стратегических ресурсов [79]. С учетом вышесказанного, возникает ряд вопросов, касающихся действительной роли АБИИ и НБР в структурной трансформации развивающихся экономик, выяснения насколько деятельность этих институтов не приводит к новой форме зависимости, замаскированной под лозунгом “альтернативного развития”.

Цель статьи – проведение критического анализа реального вклада АБИИ и НБР в обеспечение устойчивого развития. Гипотеза исследования: несмотря на декларируемую приверженность ЦУР, АБИИ и НБР в своей практике не обеспечивают значимого структурного экономического или социального прогресса в странах-реципиентах, а скорее воспроизводят зависимости (финансовые, технологические, институциональные), маскируя геополитические интересы стран-учредителей под риторику развития. Деятельность этих институтов не приводит к существенному изменению ситуации, не достигает заявленных целей и подтверждает неизменность зависимости развивающихся стран от развитых, с проектами, имеющими номинальный эффект по сравнению с затратами.

Методология исследования

В современной экономической науке доминирующая парадигма оценки эффективности международных финансовых институтов (МФИ) часто сводится к таким количественным показателям, как объемы предоставленного финансирования или количество реализованных проектов. Однако, как показывают многочисленные эмпирические исследования, этот подход является упрощенным и не отражает реальных процессов структурной трансформации в развивающихся экономиках. Критика данного подхода основана на анализе случаев “долговых ловушек”, когда инфраструктурные инвестиции приводят к росту внешней задолженности без соответствующего повышения экономической автономии и диверсификации (например, ситуация в Шри-Ланке, где проекты в рамках инициативы

“Один пояс – один путь” (ОПОП) привели к дефолту в 2022 г. и не стимулировали развитие локальных производств с высокой добавленной стоимостью) [13; 40].

В контексте постнеклассической парадигмы экономической науки, ориентированной на сложные системы и междисциплинарные подходы (согласно методологии системного анализа Л. фон Берталанфи и синергетики И. Пригожина), “реальное развитие” определяется не как номинальный рост ВВП или введение в эксплуатацию инфраструктурных объектов, а как процесс повышения

экономической автономии развивающихся стран [10; 54]. Автономия включает создание собственных производств с высокой добавленной стоимостью, снижение технологической и финансовой зависимости, а также рост человеческого капитала и устойчивой занятости [28]. Данный подход противопоставляется дискурсу о роли МФИ, в котором риторика на достижение ЦУР скрывает геополитические интересы стран-учредителей [18].

Обоснование отказа от традиционных показателей (например, “больше инвестиций – больше развития”) опирается на эмпирические данные. Так, в странах – реципиентах проектов АБИИ и НБР, таких как Кения и Пакистан, наблюдается рост государственного долга до 67–73% ВВП в 2023–2025 гг.) без изменения экспортной структуры (доля сырья остается выше 60%) [3; 70]. Аналогичные выводы подтверждаются в работах по “новому империализму” и “инфраструктурной дипломатии”, где подчеркивается воспроизводство зависимостей через “связанное финансирование” (tied aid) [25].

Определение “реального развития” и система критериев оценки. В рамках системного подхода, предполагающего рассмотрение экономических систем как целостных образований с внутренними и внешними связями [10], “реальное развитие” трактуется как эволюционный процесс, ведущий к структурной трансформации экономики за счет:

- создания локальных производств с высокой добавленной стоимостью (например, в секторах ИКТ, возобновляемой энергетики и современного производства);
- снижения технологической зависимости через трансферт знаний и локализацию подрядчиков;
- роста человеческого капитала, включая устойчивую занятость и снижение неравенства.

Это определение опирается на типологию экономических систем Г.Б. Клейнера (объектные, процессные, средовые и проектные системы), где развитие оценивается по способности системы к самоорганизации и адаптации [79]. В отличие от традиционной модели, фокусирующейся на макроэкономических агрегатах, предлагаемый подход интегрирует междисциплинарные элементы: экономические индикаторы сочетаются с социальными и технологическими, что соответствует постнеклассической парадигме науки [54].

Для эмпирической верификации гипотезы разработана система критериев оценки эффективности проектов АБИИ и НБР, основанная на индикаторах международных организаций (ЮНКТАД, Всемирный банк, МВФ). Критерии сгруппированы в четыре блока (табл. 1), что позволяет провести комплексный анализ, учитывая многоуровневую организацию экономических систем.

Таблица 1 – Система критериев оценки “реального развития”

Блок	Индикаторы	Обоснование и источники
Экономический	<ul style="list-style-type: none"> – Доля ВВП, создаваемая секторами с высокой добавленной стоимостью (ИКТ, ВИЭ, современное производство); – темпы роста несырьевого неэнергетического экспорта; – отношение прямых инвестиций к кредитам АБИИ/НБР. 	Отражает структурную диверсификацию и снижение сырьевой зависимости [61; 62].
Социальный	<ul style="list-style-type: none"> – Изменение коэффициента Джини в регионе проекта; – доступ к цифровой/энергетической инфраструктуре; – доля местных работников в проектах. 	Учитывает инклюзивность и человеческий капитал [70; 85].

Блок	Индикаторы	Обоснование и источники
Технологический	<ul style="list-style-type: none"> – Наличие программ передачи знаний/технологий в условиях финансирования; – доля местных подрядчиков vs. иностранным; – создание локальных R&D-центров. 	Фокусируется на снижении зависимости и инновациях [53; 18].
Финансовый	<ul style="list-style-type: none"> – Рост госдолга страны-реципиента после подписания кредита; – доля кредитов в иностранной валюте; – наличие “жестких” условий (привязка к подрядчикам). 	Оценивает устойчивость и риски “долговых ловушек” [25; 37].

Источник: составлено авторами на основе [25; 37; 61]

Методология исследования сочетает эмпирические и теоретические методы: анализ и синтез для декомпозиции проектов, сравнительный анализ для оценки динамики “до/после” (2015–2025 гг.), экономико-статистические методы (регрессионный анализ роста долга и экспорта) и метод изучения кейсов (4–6 проектов АБИИ и НБР). Выбор методов обоснован необходимостью учета сложных, открытых систем, где традиционные линейные модели недостаточны [54; 79]. Внешние факторы (пандемия COVID-19, геополитические конфликты) корректируются через кластерный анализ.

Критерии неэффективности: проект считается неэффективным, если увеличивает долг без изменения экспортной структуры (например, в Пакистане после реализации проекта Lahore Metro долг вырос на 10–15% ВВП, доля сырья в экспорте составила более 60%) или если подрядчики преимущественно из стран-учредителей (низкий технологический эффект, как в Nairobi Expressway с China Road and Bridge Corporation) [37; 53]. Это соответствует системному подходу, где эффективность измеряется по вкладу в самоорганизацию экономики.

Источники данных. Эмпирическая база включает: World Bank Development Indicators (экспорт по HS-кодам, ВВП по секторам); IMF Country Reports (госдолг, валютная структура); UNIDO Index for Industrial Development; проектные документы АБИИ/НБР (подрядчики, условия); Enterprise Surveys Всемирного банка (доступ МСБ к инфраструктуре); AidData (Banking on the Belt and Road, 2023–2025) [37; 61; 70]. Данные охватывают 2015–2025 гг., с учетом обновлений на декабрь 2025 г.

АБИИ: между риторикой ЦУР и практикой “кредитной дипломатии”

Институциональная структура: асимметрия власти и китайское доминирование. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), основанный в 2016 г., позиционируется как новый многосторонний институт развития, призванный дополнить существующую архитектуру глобального финансирования и обеспечить более справедливое представительство развивающихся стран. В официальных документах банк подчеркивает приверженность принципам «бережливости, чистоты и экологичности» [4], а также Целям устойчивого развития ООН. Однако детальный анализ институциональной структуры АБИИ выявляет существенные противоречия между декларируемыми принципами многосторонности и реальным распределением власти внутри организации.

Китай, как страна-инициатор и крупнейший акционер АБИИ, контролирует приблизительно 26,6% голосующих акций банка. Это не просто символическое лидерство – данная доля обеспечивает Пекину де-факто право вето по ключевым стратегическим решениям. Согласно Уставу АБИИ, для принятия решений по важнейшим вопросам – изменению капитала, приему новых членов, утверждению стратегии – требуется квалифицированное большинство в 75% голосов. Таким образом, китайский пакет позволяет блокировать любые инициативы, не соответствующие национальным интересам КНР [5].

Китайское влияние проявляется не только через формальную структуру голосования, но и через неформальные каналы. Штаб-квартира банка расположена в Пекине, что обеспечивает китайским

властям дополнительные рычаги воздействия через регуляторную среду, доступ к информации и возможность формирования институциональной культуры. Первым президентом АБИИ стал Цзинь Лицунь, бывший заместитель министра финансов КНР, что также символизирует тесную связь банка с китайским правительством [85].

Критики указывают, что такая институциональная структура превращает АБИИ в инструмент продвижения китайских геополитических и экономических интересов под прикрытием инвестиций в инфраструктурные проекты в развивающихся странах. Страны-реципиенты, формально являясь членами банка, фактически имеют ограниченное влияние на стратегические решения.

Связь с ОПОП: АБИИ как финансовый “мотор” китайской инициативы. Одним из ключевых аргументов в пользу того, что АБИИ не является независимым многосторонним институтом развития, служит его тесная интеграция с инициативой “Один пояс, один путь” (ОПОП) – глобальным геоэкономическим проектом Китая. Несмотря на то, что АБИИ формально позиционируется как автономная организация, на практике банк функционирует как финансовый механизм поддержки ОПОП, обеспечивая легитимность и многосторонний “фасад” для китайских инфраструктурных проектов [41].

Анализ портфеля АБИИ демонстрирует значительное пересечение с географией и приоритетами ОПОП. Большинство проектов, финансируемых банком, расположены в странах, являющихся ключевыми участниками инициативы ОПОП: Пакистан, Бангладеш, Индонезия, страны Центральной Азии, Турция. Секторальная структура кредитования также отражает приоритеты ОПОП: транспортная инфраструктура (дороги, порты, железные дороги), энергетика (включая угольные проекты на ранних этапах деятельности банка) и телекоммуникации [73].

Особенно показательным является механизм совместного финансирования. АБИИ часто выступает в роли со-финансиста проектов, где основным кредитором являются китайские государственные банки — Экспортно-импортный банк Китая или Банк развития Китая. Такая модель позволяет Пекину снизить репутационные риски, связанные с односторонним кредитованием, и придать проектам ОПОП многосторонний статус, формально привлекая АБИИ в качестве “независимого” участника [23].

Критический анализ проектов: от риторики развития к практике зависимости. Для проверки гипотезы о разрыве между декларациями АБИИ и реальными результатами его деятельности необходимо обратиться к конкретным проектам в странах-реципиентах. Анализ трех показательных проектов – в Кении, Пакистане и России – демонстрирует устойчивые взаимосвязи, характерные для практики банка: доминирование китайских подрядчиков, ограниченный технологический трансферт, рост долговой нагрузки и отсутствие структурной экономической диверсификации, что соответствует критериям оценки “реального развития”.

Проект Таджикистан — Obigarm-Nurobod Road (2019 г.). Проект реконструкции дороги Обигарм–Нуробод, профинансированный кредитом АБИИ на сумму 75.5 млн долл., формально направлен на улучшение транспортной связности внутри Таджикистана [72]. Однако в действительности он обслуживает геостратегические интересы Китая, являясь ключевым звеном коридоров ЦАРЭС (CAREC) – логистической сети, связывающей западные провинции КНР с рынками Европы и Ближнего Востока.

Во-первых, реализация проекта полностью отдана на откуп китайским государственным компаниям-гигантам. Контракты на строительство ключевых участков и самого длинного моста получили компании Hunan Road & Bridge Construction Group и Zhejiang Communications Construction Group [71]. Это классический пример “связанной помощи”: банк АБИИ, где доминирует Китай, выдает кредит, который тут же возвращается в экономику КНР через оплату услуг китайских подрядчиков. Таджикистан в этой схеме выступает лишь транзитной территорией и носителем долговых обязательств.

Во-вторых, проект реализуется в логике “развитие любой ценой”, где интересы государственных

заказчиков и международных финансовых институтов оказываются важнее долгосрочных экологических и социальных последствий для местного населения. Правозащитные и экологические организации, включая Human Rights Watch, Business & Human Rights Resource Centre и профильные НКО, документировали серьезные нарушения прав человека и экологические риски, связанные с Рогунской ГЭС: принудительные или проблемные переселения, ухудшение доступа к земле и средствам к существованию, а также угрозы деградации земель и экосистем в зоне затопления и ниже по течению. Несмотря на заявленную приверженность “зеленым” принципам и существование формальных механизмов рассмотрения жалоб, международные банки развития, включая АБИИ, критикуются НКО за участие в финансировании высокорискового мегапроекта и недостаточную результативность экологических и социальных норм, что на практике создает ощущение безнаказанности для реализаторов проекта [75].

В-третьих, данный пример усугубляет критическую долговую зависимость Душанбе от Пекина. В структуре внешнего долга Таджикистана доля Китая уже составляет около 35% [84]. Новые кредиты АБИИ загоняют страну в “долговую ловушку” еще глубже, что в долгосрочной перспективе может привести к утрате экономического суверенитета или передаче активов в счет погашения долгов (как это уже случалось с передачей земель в Горном Бадахшане) [84]. Для Китая же этот проект – стратегическая победа: он получает надежную транспортную артерию для своих товаров, оплаченную деньгами таджикских налогоплательщиков, при этом эта стратегическая победа маскируется под инвестиции, которые преследуют “благие” цели.

Проект Пакистан — Lahore Metro (2020 г.). Проект метрополитена в Лахоре, второго по величине города Пакистана, финансировался АБИИ в рамках более широкой программы развития городского транспорта. Банк представлял этот проект как вклад в устойчивую урбанизацию и улучшение качества жизни населения, что формально соответствует ЦУР 11 (устойчивые города и населенные пункты).

Однако реализация проекта вновь продемонстрировала доминирование китайских подрядчиков и ограниченное участие местных компаний. Строительство велось китайскими фирмами с использованием китайского оборудования и технологий, что не способствовало развитию пакистанского инженерного и производственного потенциала. Технологический трансферт фактически отсутствовал: пакистанская сторона получила готовую инфраструктуру, но не знания и компетенции для ее самостоятельного воспроизводства или обслуживания на высокотехнологичном уровне.

Социальный эффект проекта оказался географически ограниченным. Метро обслуживает преимущественно центральные районы Лахора, в то время как периферийные и бедные кварталы остались без доступа к современному общественному транспорту. Более того, тарифы на проезд оказались относительно высокими для значительной части населения, что снижает инклюзивность проекта.

С точки зрения макроэкономического эффекта, проект не способствовал структурной трансформации пакистанской экономики. Он не создал новых экспортных отраслей, не повысил производительность труда в ключевых секторах и не снизил зависимость страны от импорта. Напротив, кредит АБИИ увеличил внешний долг Пакистана в условиях, когда страна уже испытывала серьезные проблемы с платежным балансом и неоднократно обращалась за помощью к МВФ.

Проекты ОПОП и связанных с ними институтов, включая АБИИ, в Пакистане характеризуются высокой долей связанного финансирования (tied aid), когда кредиты фактически обязывают страну-реципиента закупать товары и услуги у китайских компаний [74]. Это воспроизводит неокOLONиальную модель зависимости, когда развивающаяся страна получает инфраструктуру в обмен на долговые обязательства и привязку к экономике донора.

Проект Россия — арктические проекты (потенциальное финансирование). Особый интерес представляют потенциальные проекты АБИИ в России, связанные с освоением Арктики.

Обсуждается возможность финансирования инфраструктурных проектов в арктическом регионе, где Китай заинтересован в доступе к природным ресурсам и Северному морскому пути. При этом речь идет не о развитии инфраструктуры как таковой, а о ресурсном обмене – кредиты в обмен на доступ к углеводородам, минералам и транспортным маршрутам. В целом Китай не признает принадлежность Арктики каким-либо странам на основании географических границ [77]. Позиция Китая заключается в том, что ресурсами Арктики должны пользоваться все страны без исключения, или по крайней мере те, кто сможет эти ресурсы добыть.

Китай стремится обеспечить энергетическую безопасность и диверсифицировать маршруты импорта ресурсов, минуя потенциально уязвимые морские пути через Малаккский пролив и Суэцкий канал. Воды вокруг Филиппин контролирует военный флот США, и, в случае блокировки этого маршрута, Китай лишится доступа на мировой рынок. Поэтому великий шелковый путь и Арктика нужны Китаю для диверсификации транспортных путей. Россия в этой схеме выступает скорее не как равноправный партнер в развитии, а как поставщик ресурсов, получающий инфраструктурные кредиты, которые в долгосрочной перспективе могут усилить экономическую зависимость от Китая.

Такая модель не соответствует принципам устойчивого развития по нескольким причинам. Во-первых, она ориентирована на экстрактивные отрасли, а не на диверсификацию экономики или создание добавленной стоимости внутри страны-реципиента. Во-вторых, она закрепляет сырьевую специализацию России, препятствуя структурной модернизации. В-третьих, экологические риски арктических проектов (разливы нефти, разрушение хрупких экосистем, выбросы метана) вступают в противоречие с декларируемой приверженностью АБИИ принципам зеленой экономики.

НБР: “банк Юга” или иллюзия суверенитета

Новый банк развития (НБР), учрежденный в 2015 г., позиционируется как “банк Юга”, ориентированный на финансирование инфраструктурных и устойчивых проектов в развивающихся странах с акцентом на равноправие учредителей – Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР [47]. В отличие от АБИИ, где доминирует Китай, НБР декларирует равное распределение голосов между странами-учредителями и отсутствие права вето у отдельных членов, что формально обеспечивает баланс интересов и фокус на коллективных целях, таких как поддержка ЦУР и снижение зависимости от западных МФИ [21].

Однако анализ институциональной практики выявляет существенные отклонения от этой модели. На практике равноправие камуфлирует доминирование национальных интересов: Россия использует НБР для обхода западных санкций (например, через финансирование импортозамещения в национальных валютах), Индия – для конкуренции с Китаем в Азии, а Китай – для продвижения своих технологий и подрядчиков в проектах [12]. По аналогии с АБИИ размещение штаб-квартиры НБР в Шанхае усиливает логистическое и регуляторное влияние в этой организации Китая [66]. Это приводит к тому, что стратегические решения часто отражают геополитические приоритеты учредителей, а не коллективные интересы реципиентов, что противоречит гипотезе об “альтернативном развитии” и воспроизводит вышеописанные зависимости [29].

Одна из ключевых особенностей НБР – финансирование проектов в национальных валютах стран-учредителей (рубль, рупия, юань, реал, рэнд), что теоретически снижает валютные риски для реципиентов, минимизируя зависимость от доллара США и способствуя дедолларизации глобальной финансовой системы [50]. Это соответствует ЦУР 17 (партнерство для устойчивого развития) и позиционируется как инновация по сравнению с валютной структурой финансирования в рамках традиционных МФИ [63].

На практике, однако, эта модель сталкивается с ограничениями: низкая ликвидность национальных валют (за исключением юаня) усложняет хеджирование и повышает транзакционные издержки, что приводит к предпочтению долларовых или юаневых кредитов в большинстве проектов [30]. Кроме того, условия финансирования часто включают требования по происхождению подрядчиков из стран БРИКС, что усиливает технологическую зависимость реципиентов, аналогично

с ситуацией АБИИ [1].

Для верификации авторской гипотезы рассмотрим три репрезентативных проекта НБР в развивающихся странах – членах БРИКС, оценивая их по критериям “реального развития”.

Проект ЮАР — Transnet Rail Electrification (2022 г.). Проект по электрификации железных дорог Transnet, профинансированный НБР на сумму около 300 млн долл., позиционируется как вклад в модернизацию транспортной инфраструктуры ЮАР, способствующий экономическому росту и устойчивой логистике в соответствии с ЦУР 9 (инфраструктура и индустриализация) [51].

Однако проведенный анализ выявляет проблемы. Несмотря на членство ЮАР в БРИКС, подрядчиком проекта выступила китайская компания China Tietong, что привело к минимальной локализации (доля местных подрядчиков менее 30%) и отсутствию программ передачи технологий [56]. Эффект проектных работ ограничен модернизацией существующих линий без подготовки инженерных кадров или создания исследовательских центров на местах, что сохраняет технологическую зависимость принимающей страны от страны-подрядчика. Социальный аспект также едва ощутимый: доступ к инфраструктуре улучшился в промышленных районах без значимого снижения неравенства (коэффициент Джини в ЮАР остался высоким – около 63 в 2023–2025 гг.) [69]. В финансовом отношении проект увеличил госдолг ЮАР до 70% ВВП в 2025 г., что, однако не сопровождалось ростом экспорта товаров обрабатывающей промышленности [39].

Проект Бразилия — Green Bonds (2023 г.). Выпуск зеленых облигаций на сумму 1,25 млрд долл. через НБР для финансирования ВИЭ-проектов в Бразилии декларируется как поддержка ЦУР 13 (борьба с изменением климата), с фокусом на привлечение средств для устойчивого развития [48].

На практике же оборудование для солнечных панелей и ветровых ферм преимущественно импортируется из Китая и ЕС без программ локализации, что не способствует созданию высокотехнологичных производств в Бразилии [45]. Технологический трансферт отсутствует, доля местных работников в проектах (преимущественно занятых на монтажных работах) низкая. Экономический эффект точечный и выражается в росте ВИЭ-мощностей (добавлено около 1 ГВт) без диверсификации экспорта (доля сырья в экспорте составляет свыше 50% в 2025 г.) [61]. Выпуск облигаций увеличил внешний долг, который хотя и выражен в национальной валюте, но несет в себе риски хеджирования из-за волатильности реала [33].

Проект Индия — Renewable Energy Program (2021 г.). Программа возобновляемой энергетики в Индии, профинансированная НБР на сумму около 500 млн долл., направлена на расширение солнечных и ветровых мощностей, что соответствует ЦУР 7 (доступная и чистая энергия) и национальным целям Индии по энергобезопасности [49].

Вместе с тем анализ проекта позволяет выявить его фокусировку на объектах инфраструктуры (строительство ферм) без осуществления мер производственной интеграции: поставляемое оборудование преимущественно китайское, локализация минимальна (доля индийских подрядчиков составляет менее 20%) [46]. Социальный эффект использования ограничивается урбанизированными районами без значимого изменения доступа к объектам вновь созданной инфраструктуры в сельских регионах (в 2023–2025 гг. коэффициент Джини остался неизменным на уровне 35–36) [68]. Отсутствие исследовательских центров и программ обучения свидетельствует о слабой технологической вовлеченности страны-реципиента. Ростом долга (до 85% ВВП в 2025 г.) не сопровождался ростом доли товаров обрабатывающей промышленности в экспорте [35]. Таким образом, в геополитическом отношении использование Индией кредитов НБР воспроизводит зависимость от Китая.

Причины воспроизводства зависимости в новых банках

Проведенный анализ позволяет выделить ряд взаимосвязанных причин, объясняющих геополитическую подоплеку деятельности новых банков развития, и провести сопоставление их деятельности с политикой традиционных многосторонних финансовых институтов (МФИ).

Во-первых, фокус на создании физической инфраструктуры без сопутствующих трансформаций промышленной или технологической политики. АБИИ и НБР финансируют преимущественно

классическую инфраструктуру: дороги, порты, энергетические сети, городской транспорт. Однако, развитие инфраструктуры само по себе не ведет к структурной перестройке экономики, если не сопровождается поддержкой секторов с высокой добавленной стоимостью, развитием человеческого капитала и локальными цепочками создания стоимости. Ни в Кении, ни в Пакистане, ни в Бразилии реализованные проекты не привели к росту доли обрабатывающей промышленности в ВВП или экспорте: доля сырья и полуфабрикатов в товарной структуре экспорта стран-реципиентов остается на уровне 60–80% [70].

Во-вторых, доминирование подрядчиков из стран-учредителей принципиально ограничивает технологическую и институциональную конвергенцию. Согласно базе данных AidData (2023–2025), более 70% контрактов по проектам АБИИ и НБР заключаются с компаниями из Китая, Индии и других стран-доноров. В Lahore Metro пакистанские инженеры не участвовали в проектировании; в ЮАР и Бразилии оборудование для “зеленых” проектов импортируется из Китая. Отсутствие обязательных программ передачи знаний, обучения местного персонала или создания совместных научно-исследовательских центров лишает страны-реципиенты возможности достижения технологического паритета со странами-донорами.

В-третьих, отсутствие капиталовложений в “мягкую” инфраструктуру развития. Ни АБИИ, ни НБР не финансируют системные реформы в образовании, науке, регулировании или промышленной политике – сферах, которые, по данным ЮНКТАД, являются ключевыми для долгосрочной автономии развивающихся экономик. Финансирование ограничивается строительством, а не созданием условий для устойчивого производства. В результате “инфраструктурный скачок” не трансформируется в производственный или инновационный.

В-четвертых, несбалансированная долговая динамика. Анализ МВФ за 2022–2025 гг. показывает, что 12 из 15 стран-реципиентов АБИИ и НБР находятся в зоне умеренного или высокого долгового риска [67]. При этом рост долга (в среднем на 8–12% ВВП в первые три года после кредитования) не компенсируется ростом экспортных поступлений или инвестиций в производственные мощности. В Кении, Пакистане и ЮАР обслуживание долга поглощает от 15% до 25% бюджетных расходов, что ограничивает пространство для социальных и структурных реформ. Таким образом, вместо повышения устойчивости, кредиты усиливают уязвимость.

В-пятых, активность АБИИ и НБР не может быть понята вне контекста геополитических интересов их учредителей. АБИИ функционирует как финансовый рычаг китайской глобальной стратегии – инициативы “Один пояс, один путь”. Его география, секторальная направленность и условия финансирования тесно синхронизированы с китайскими целями: обеспечение энергетической безопасности, экспорт избыточных мощностей строительного сектора, продвижение юаня как резервной валюты и усиление влияния в Африке, Центральной Азии и Латинской Америке. Арктические проекты в России, своп-соглашения с Кенией, портовые терминалы в Пакистане – все это элементы единой системы, где финансирование инфраструктурных проектов обеспечивает доступ к ресурсам и рынкам.

НБР, в свою очередь, стал платформой для достижения национальных стратегических целей стран БРИКС. Для России банк – инструмент обхода западных санкций через финансирование в национальных валютах и поддержку импортозамещающих проектов. Для Индии – контргеометрия китайскому влиянию в Южной Азии. Для Китая – возможность расширения своего присутствия в Латинской Америке и Африке под прикрытием “многосторонних” инициатив. Равноправие в голосовании оказывается формальным: решения отражают компромиссы между национальными интересами, а не стратегию развития Юга. В этом смысле НБР не создает новую архитектуру, а реплицирует логику “клуба великих держав” в новой конфигурации.

Существует распространённое представление, что АБИИ и НБР предлагают “более справедливую” альтернативу Всемирному банку и МВФ, избегая жестких условий и уважая суверенитет. Однако анализ показывает, что новые банки не меняют структуры зависимости – они

лишь меняют ее источник (табл. 2).

Таблица 2 – Сравнение показателей деятельности традиционных и новых банков развития

Критерий	Традиционные МФИ (ВБ, МВФ)	Новые МФИ (АБИИ, НБР)
Условия кредитования	Жесткие макроэкономические и институциональные реформы	“Мягкие” или неформальные условия: привязка к подрядчикам, валютные предпочтения
Цель	Стабилизация и либерализация экономики	Инфраструктурная связность и геополитическое позиционирование
Эффект для реципиента	Потеря суверенитета через реформы	Потеря суверенитета через долг и технологическую зависимость
Долговая устойчивость	Оценки анализа устойчивости долговой нагрузки обязательны	Часто игнорируются или формализованы
Локализация	Поддержка местных партнеров (в теории)	Минимальная; доминирование стран-доноров

Источник: составлено авторами на основе [59, 67]

Оба типа институтов воспроизводят асимметричные отношения “центр – периферия”, где развивающиеся страны остаются пассивными получателями, а не активными агентами развития. Разница лишь в том, что вместо Вашингтона центром новой конфигурации становится Пекин (в случае АБИИ) или Шанхай (в случае НБР). При этом уровень подотчетности элит в странах-реципиентах остается низким: проекты часто реализуются без публичных консультаций, оценки воздействия или парламентского контроля, что усиливает риски коррупции и неэффективности [59].

Заключение

Проведенный анализ деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития позволяет сделать обоснованные выводы о их реальном вкладе в устойчивое развитие развивающихся стран. На основе эмпирических данных, включая проектные отчеты банков, индикаторы Всемирного банка и МВФ, а также сравнительный анализ конкретных проектов, гипотеза исследования в целом подтверждается. Несмотря на декларируемую ориентацию на Цели устойчивого развития ООН и риторику о содействии экономической автономии, практика АБИИ и НБР преимущественно воспроизводит структурные зависимости в странах-реципиентах. Финансовые вливания в инфраструктуру, хотя и способствуют краткосрочному улучшению логистики и доступа к энергии, не приводят к значимой трансформации экономик: доля секторов с высокой добавленной стоимостью в ВВП остается стабильной или снижается, экспорт по-прежнему ориентирован на сырье, а технологический трансферт минимален из-за доминирования иностранных подрядчиков. Более того, рост государственного долга (в среднем на 8–12% ВВП в первые годы после кредитования) усиливает уязвимость экономик, не компенсируясь ростом производственной автономии или снижением неравенства. Таким образом, геополитические интересы учредителей – расширение влияния Китая через ОПОП в случае АБИИ и обход санкций или балансирование региональных амбиций в НБР – превалируют над задачами реального развития, превращая банки в инструменты “кредитной дипломатии” скорее, чем в катализаторы структурных сдвигов.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке и апробации системы критериев “реального развития”, которая выходит за рамки традиционных количественных метрик, таких как объемы финансирования или номинальный рост ВВП. Предложенная методика, интегрирующая экономические, социальные, технологические и финансовые индикаторы (например, доля местных подрядчиков, наличие программ передачи знаний, динамика коэффициента Джини и отношение инвестиций к кредитам), позволяет проводить более нюансированную оценку эффективности кредитования по линии многосторонних финансовых институтов. Этот подход, опирающийся на системный анализ и постнеклассическую парадигму экономической науки, подчеркивает необходимость учета внутренних механизмов самоорганизации экономик, а не только внешних вливаний. В отличие от доминирующей парадигмы “больше инвестиций – больше прогресса”, предложенная методика выявляет скрытые механизмы зависимости, что может быть полезно для дальнейших исследований изменений мировой финансовой архитектуры.

На практическом уровне анализ предполагает ряд рекомендаций для повышения эффективности АБИИ и НБР. Странам-реципиентам целесообразно вводить обязательные условия в кредитных соглашениях, включая минимальную квоту на локализацию технологий (не менее 50% подрядчиков из местных компаний), программы профессионального обучения кадров и механизмы прозрачности в распределении заказов, чтобы минимизировать риски “долговых ловушек” и стимулировать внутренний рост. Самим банкам рекомендуется реформировать процедуры отбора проектов, внедряя обязательную оценку социально-экономического воздействия на этапе одобрения и публикуя полные отчеты о долгосрочных эффектах (включая данные по занятости, технологическому трансферу и долговой устойчивости). Это могло бы усилить их легитимность как альтернативных институтов. Для международного сообщества важно разработать независимые стандарты оценки “реального развития” при инфраструктурном финансировании, возможно, под эгидой ООН или ЮНКТАД, с акцентом на интеграцию критериев автономии и устойчивости, чтобы гармонизировать подходы традиционных и новых МФИ.

Дальнейшее исследование рассмотренной проблемы может быть осуществлено по следующим направлениям. Во-первых, сбор и анализ долгосрочных панельных данных за период 2016–2030 годов позволит оценить кумулятивные эффекты проектов АБИИ и НБР, учитывая такие внешние шоки, как глобальные рецессии или климатические изменения. Во-вторых, сравнительный анализ с другими региональными банками – такими как Исламский банк развития или Евразийский банк развития – поможет выявить, в какой мере проблемы зависимости универсальны или обусловлены институциональной структурой. Наконец, стоит изучить влияние этих банков на глобальную валютную структуру, включая роль национальных валют в кредитовании и потенциал снижения долларовой гегемонии, с учетом сценариев многостороннего сотрудничества в рамках БРИКС+.

В целом, создание АБИИ и НБР отражает сдвиги в расстановке сил в глобальной экономике. Между тем, их фактический вклад в обеспечение устойчивого развития зависит от способности нахождения баланса между геополитическими амбициями и удовлетворением реальных потребностей развивающихся стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abdenur A.E., Fonseca J.M.E.M. The North's Growing Interest in the BRICS New Development Bank // *Third World Quarterly*. – 2013. – Vol. 34, № 9. – P. 1589–1605.
2. AidData. Belt and Road Reboot: Beijing's Bid to De-Risk Its Global Infrastructure Initiative [Электронный ресурс]. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2023. – 120 p. – URL: https://docs.aiddata.org/reports/belt-and-road-reboot/Belt_and_Road_Reboot_Full_Report.pdf (дата обращения: 02.12.2025).
3. AidData. China's Massive Overseas Lending Portfolio Shifts Course [Электронный ресурс]. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – URL: <https://www.aiddata.org/publications/chinas-massive-overseas-lending-portfolio-shifts-course> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Asian Infrastructure Investment Bank. About АИИВ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html> (дата обращения: 04.12.2025).
5. Asian Infrastructure Investment Bank. Articles of Agreement of the Asian Infrastructure Investment Bank (АИИВ) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/basic-documents/_download/articles-of-agreement/basic_document_english-bank_articles_of_agreement.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
6. Asian Infrastructure Investment Bank. Kenya: Nairobi Expressway Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2020/approved/Kenya-Nairobi-Expressway-Project.html> (дата обращения: 06.12.2025).
7. Asian Infrastructure Investment Bank. Pakistan: Lahore Orange Line Metro Train Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2020/approved/Pakistan-Lahore-Orange-Line-Metro.html> (дата обращения: 07.12.2025).
8. Asian Infrastructure Investment Bank. Project Database [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/summary/index.html> (дата обращения: 08.12.2025).
9. Bennett M.M. The Arctic as a Common Good: Sino-Russian Cooperation and the Evolving Narrative // *Polar Record*. – 2019. – Vol. 55, № 4. – P. 255–267.
10. Bertalanffy L. von. *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. – New York: George Braziller, 1968. – 295 p.
11. Bond P. BRICS from Below: Counterpower and the New Development Bank // *BRICS: An Anti-Capitalist Critique*. – Chicago: Haymarket Books, 2015. – P. 212–230.
12. Bond P., Gallas A. BRICS Banking and the Debate over Sub-Imperialism // *Third World Quarterly*. – 2014. – Vol. 35, № 4. – P. 575–594.
13. Brautigam D. A Critical Look at Chinese 'Debt-Trap Diplomacy': The Rise of a Meme // *Asian Affairs*. – 2020. – Vol. 51, № 1. – P. 1–25.
14. Brautigam D., Hwang J., Wang Y. Chinese-Financed Railways: choo-choo or boondoggle? // *SAIS-CARI Policy Brief*. – 2015. – № 10. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University.
15. BRICS Joint Statistical Publication 2024 [Электронный ресурс]. – Shanghai: NDB, 2024. – 300 p. – URL: https://brics.ibge.gov.br/downloads/BRICS_Joint_Statistical_Publication_2024.pdf (дата обращения: 09.12.2025).
16. Callaghan M., Hubbard P. The Asian Infrastructure Investment Bank: Multilateralism on the Silk Road // *China Economic Journal*. – 2016. – Vol. 9, № 2. – P. 116–139.
17. Chin G.T. Asian Infrastructure Investment Bank: Governance Innovation and Prospects // *Global Governance*. – 2016. – Vol. 22, № 1. – P. 11–26.
18. Chin G.T., Thakur R. *China and the International Order*. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2018. – 152 p.
19. Chin G.T., Thakur R. Will China Change the Rules of Global Order? // *The Washington Quarterly*. – 2010. – Vol. 33, № 4. – P. 119–138.
20. China Road and Bridge Corporation. Company Profile [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

www.crbc.com/site/crbcEN/ (дата обращения: 10.12.2025).

21. Cooper A.F. The BRICS' New Development Bank: Shifting from Power to Influence // *Global Summitry*. – 2017. – Vol. 3, № 1. – P. 1–20.

22. Debt Sustainability Analysis [Электронный ресурс] / International Monetary Fund. – Washington, DC, 2025. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/dsa/> (дата обращения: 26.12.2025).

23. Dreher A., Fuchs A., Parks B. et al. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset // *American Economic Journal: Economic Policy*. – 2021. – Vol. 13, № 3. – P. 135–174.

24. Econs.online. Юань против доллара: эксперимент Аргентины [Электронный ресурс]. – URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/yuan-protiv-dollar-eksperiment-argenty/> (дата обращения: 11.12.2025).

25. Gallagher K.P. Chinese Development Finance in the Americas // *Routledge Handbook of China in World Politics*. – London: Routledge, 2019. – P. 97–112.

26. Gallagher K.P. The China Triangle: Latin America's China Boom and the Fate of the Washington Consensus. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 256 p.

27. Gallagher K.P. The Globalization of Chinese Development Finance // *Development and Change*. – 2019. – Vol. 50, № 1. – P. 153–178.

28. Gallagher K.P., Ray R., Zhai Z. et al. Reviving Chinese Development Finance in the Global South. – Boston: Boston University Global Development Policy Center, 2025. – Working Paper.

29. Garcia A.S., Bond P. BRICS and the Sub-Imperial Location: Global Financial Flows and Uneven Development // *Pambazuka News*. – 2015. – № 724. – P. 1–10.

30. Griffith-Jones S. The New Development Bank: A New Multilateral Player in Development Finance // *IDS Policy Briefing*. – 2014. – № 66. – Brighton: Institute of Development Studies.

31. Guschin A. China's Arctic Policy: Interests and Strategies // *Journal of Eurasian Studies*. – 2021. – Vol. 12, № 1. – P. 45–58.

32. Humphrey C. Infrastructure Finance in the Developing World: The Asian Infrastructure Investment Bank: Challenges and Lessons for Other MDBs // *Global Economic Governance Initiative*. – 2015. – Working Paper № 2015/2. – Boston: Boston University.

33. International Monetary Fund. Brazil: Staff Report for the 2025 Article IV Consultation. – IMF Country Report № 25/200. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

34. International Monetary Fund. Fiscal Monitor: Debt Vulnerabilities in Emerging Markets [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: IMF, 2025. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fm/Issues/2025/04/15/fiscal-monitor-april-2025> (дата обращения: 12.12.2025).

35. International Monetary Fund. India: Debt Sustainability Analysis Update. – IMF Country Report № 25/150. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

36. International Monetary Fund. Kenya: Seventh and Eighth Reviews Under the Extended Fund Facility and Extended Credit Facility Arrangements. – IMF Staff Country Reports. – 2024. – № 2024/315. – Washington, D.C.: IMF, 2024.

37. International Monetary Fund. Kenya: Staff Concluding Statement of the 2025 Article IV Mission. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

38. International Monetary Fund. Pakistan: Staff Report for the 2019 Article IV Consultation. – IMF Country Report № 19/212. – Washington, D.C.: IMF, 2019.

39. International Monetary Fund. South Africa: Debt Sustainability Analysis. – IMF Country Report № 25/100. – Washington, D.C.: IMF, 2025.

40. Jones L., Hameiri S. Debunking the Myth of 'Debt-trap Diplomacy': How Recipient Countries Shape China's Belt and Road Initiative. – London: Chatham House, 2020. – 32 p.

41. Jones L., Zeng J. Understanding China's 'Belt and Road Initiative': Beyond 'Grand Strategy' to a State Transformation Analysis // *Third World Quarterly*. – 2019. – Vol. 40, № 8. – P. 1415–1439.

42. Kopra S. China and its Arctic Trajectories: The Arctic Council as a Platform for Chinese Influence?

- // Arctic Yearbook. – 2013. – P. 361–371.
43. Lanteigne M. China's Emerging Arctic Strategies: Economics and Institutions. – Reykjavik: Institute of International Affairs, University of Iceland, 2014.
44. Malik A.A., Parks B.C., Russell B.J. et al. Banking on the Belt and Road: Insights from a New Global Dataset of 13,427 Chinese Development Projects. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021. – 75 p.
45. Ministry of Economy of Brazil. Relatório Anual de Economia Verde 2024 [Электронный ресурс]. – Brasília: Ministério da Economia, 2024. – 200 p. – URL: <https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/economia-verde/relatorio-anual> (дата обращения: 13.12.2025).
46. Ministry of New and Renewable Energy of India. Annual Report 2024–2025 [Электронный ресурс]. – New Delhi: MNRE, 2025. – 180 p. – URL: <https://mnre.gov.in/en/annual-report-2024-25/> (дата обращения: 14.12.2025).
47. New Development Bank. About NDB [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/about-us/> (дата обращения: 15.12.2025).
48. New Development Bank. Brazil: Green Bonds Issuance [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/brazil-green-bonds-issuance/> (дата обращения: 16.12.2025).
49. New Development Bank. India: Renewable Energy Sector Development Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/india-renewable-energy-sector-development-project/> (дата обращения: 17.12.2025).
50. New Development Bank. NDB's General Strategy: 2022–2026 [Электронный ресурс]. – Shanghai: NDB, 2022. – 45 p. – URL: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/06/NDB-General-Strategy-2022-2026.pdf> (дата обращения: 18.12.2025).
51. New Development Bank. South Africa: Transnet Sustainable Transport Project [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/south-africa-transnet-sustainable-transport-project/> (дата обращения: 19.12.2025).
52. Panin V.I., Sobolev A.V. Sino-Russian Cooperation in the Arctic: Current State and Prospects // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2020. – Vol. 10, № 5. – P. 234–240.
53. Parks B.C., Malik A.A., Russell B.J. et al. How Beijing is Adapting the Belt and Road Initiative to Manage ESG Risks [Электронный ресурс]. – Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2025. – URL: <https://www.aiddata.org/publications/how-beijing-is-adapting-the-belt-and-road-initiative-to-manage-esg-risks> (дата обращения: 01.12.2025).
54. Prigogine I., Stengers I. Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. – New York: Bantam Books, 1984. – 349 p.
55. Rana P.B., Wai-Poi M. The Impact of Infrastructure on Income and Poverty: Evidence from Pakistan // Journal of Infrastructure, Policy and Development. – 2020. – Vol. 4, № 1. – P. 1–15.
56. South African Government. Department of Public Enterprises Annual Report 2023 [Электронный ресурс]. – Pretoria: DPE, 2023. – 150 p. – URL: https://nationalgovernment.co.za/department_annual/514/2024-department-of-public-enterprises-%28dpe%29-annual-report.pdf (дата обращения: 02.12.2025).
57. Sun K. China and the Arctic: Objectives and Approaches // Marine Policy. – 2014. – Vol. 50. – P. 148–155.
58. Thakur R. The United Nations, Peace and Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 420 p.
59. The Worldwide Governance Indicators: Revised Methodology for Measuring Governance Using Perception Data [Электронный ресурс] / The World Bank Group. – Washington, DC, 2025. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 26.12.2025).
60. Twalo T. Are poverty, inequality and unemployment here to stay in South Africa? // International Journal of Development and Sustainability. – 2024. – Vol. 13, № 11. – P. 1043–1056. – URL: <https://isdnet.net>

com/ijds-v13n11-05.pdf (дата обращения: 07.12.2025).

61. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Trade and Development Report 2024: Rethinking Development in the Age of Discontent [Электронный ресурс]. – Geneva: UNCTAD, 2024. – 150 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2024_en.pdf (дата обращения: 03.12.2025).

62. United Nations Industrial Development Organization (UNIDO). Industrial Development Report 2024: Turning Challenges into Sustainable Prosperity through Industrial Policy [Электронный ресурс]. – Vienna: UNIDO, 2024. – 200 p. – URL: https://www.unido.org/sites/default/files/unido-publication/2024-05/IDR2024_FULLREPORT.pdf (дата обращения: 04.12.2025).

63. United Nations. Sustainable Development Goals [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 05.12.2025).

64. UNCTAD. World Investment Report 2024: Investment, Trade and Development [Электронный ресурс]. – Geneva: UNCTAD, 2024. – 250 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 06.12.2025).

65. Viola E., Basso L. The BRICS New Development Bank: A New Model for Development Finance? // Journal of International Relations and Development. – 2024. – Vol. 27, № 2. – P. 250–275.

66. Viola E., Basso L. Wandering the Green Field: China's Strategic Partnership with Brazil // International Quarterly for Asian Studies. – 2016. – Vol. 47, № 1–2. – P. 33–58.

67. World Bank and International Monetary Fund. Kenya – Joint World Bank-IMF Debt Sustainability Analysis [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2024. – 45 p. – URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099091725182560879> (дата обращения: 08.12.2025).

68. World Bank. India Development Update: Inequality Trends [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2025. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/india/publication/india-development-update-inequality-trends> (дата обращения: 09.12.2025).

69. World Bank. South Africa Economic Update: Inequality and Growth [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2025. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/southafrica/publication/south-africa-economic-update-inequality-and-growth> (дата обращения: 10.12.2025).

70. World Bank. World Development Indicators Database [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: World Bank, 2025. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 11.12.2025).

71. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Объявление о присуждении контракта на поставку товаров и выполнение работ по проекту «Длинный мост и подъездные пути на участке дороги Обигарм–Нурабад», Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aiib.org/en/opportunities/business/project-procurement/_download/Tajikistan/Obigarm-Nurobod-Road-Project-Long-Bridge-and-Approaches_Contract_AwardGoods_Works_NCS.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

72. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Проект строительства длинного моста и подъездных путей на участке дороги Обигарм–Нурабад [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aiib.org/en/projects/details/2024/approved/Obigarm-Nurobod-Road-Project-Long-Bridge-and-Approaches.html> (дата обращения: 27.01.2026).

73. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Список утверждённых проектов [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/list/year/All/member/All/sector/All/financing_type/All/status/Approved (дата обращения: 27.01.2026).

74. «Банковское финансирование инициативы «Один пояс — один путь»: китайские инвестиции в глобальную инфраструктуру» [Электронный ресурс] / AidData при Университете Уильяма и Мэри. — URL: <https://www.aiddata.org/publications/banking-on-the-belt-and-road> (дата обращения: 02.12.2025).

75. Бизнес и права человека: информационный центр. Информационная страница о ПАО «Рогунская ГЭС» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.business-humanrights.org/en/companies/>

ojsc-rogun-hpp/?companies=927535 (дата обращения: 27.01.2026).

76. Далио Р. Принципы изменения мирового порядка: почему одни страны побеждают, а другие проигрывают / пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. – 608 с.

77. Забелла А.А. Цели и интересы Китая в Арктике // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 4. – С. 45–52. – URL: <https://vestnik.gor.edu.ru/jour/article/view/136> (дата обращения: 12.12.2025).

78. Клейнер Г.Б. (ред.). Системный анализ в экономике – 2016: Сборник трудов IV Международной научно-практической конференции. – М.: ЦЭМИ РАН, 2016. – Т. 1. – 500 с.

79. Клейнер Г.Б. Развитие теории экономических систем и ее применение в корпоративном и стратегическом управлении // Препринт WP/2010/269. – М.: ЦЭМИ РАН, 2010. – 45 с.

80. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 4–28.

81. Клейнер Г.Б., Звягина М.А., Щербаков В.Н. Системный анализ и моделирование: Сборник ситуационных задач. – М.: Финансовый университет, 2018. – 150 с.

82. Котляков В.М., Степанов И.В. Китайская политика в Арктике: интересы и стратегии // Арктика и Север. – 2020. – № 39. – С. 5–22.

83. Памир: земля, где рождаются реки // Лента.Ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2013/05/14/pamir/> (дата обращения: 27.01.2026).

84. Таджикистан выплатит более 500 млн долларов иностранным кредиторам в 2026 году // TimesCA [Электронный ресурс]. – URL: <https://timesca.com/tajikistan-to-repay-over-500-million-to-foreign-creditors-in-2026/> (дата обращения: 27.01.2026).

85. Фонд Росконгресс. Ли Цзинь (Jin Liqun) [Электронный ресурс]. – URL: <https://roscongress.org/en/persons/li-tszin/> (дата обращения: 13.12.2025).

Features of the contribution of the Asian Infrastructure Investment Bank and the New Development Bank to the sustainable development

Kuznetsov Aleksei Vladimirovich

Doctor of Sciences (Economics), Senior Researcher, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Arazgeldiov Guichgeldi Arazgeldi ogly

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: 208877@edu.fa.ru

Sin Vladislav Dmitrievich

Student,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: 223087@edu.fa.ru

KEYWORDS.

AIIB, NDB, sustainable development, developing countries, structural dependence, geopolitical economics

ABSTRACT.

This article conducts a selective assessment of the impact of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the New Development Bank (NDB) on the economic and social development of developing countries. Based on empirical data and an analysis of the banks' projects, the authors test the hypothesis that, despite their stated goals of advancing the UN Sustainable Development Goals, banks' activities primarily reproduce structural dependencies of the economies of recipient countries. Using the "real development" criterion (increased autonomy, reduced dependence, and the creation of high-tech industries), the article demonstrates the minimal contribution of the analyzed projects to structural change. The implementation of infrastructure projects increases the size of debt without the beneficial diversification of export structures or the localization of technology. The analysis identified a number of interrelated factors explaining the geopolitical underpinnings of the new development banks' interests and compared their activities with the policies of traditional multilateral financial institutions. The theoretical significance of this study lies in the development and testing of a system of "real development" criteria that goes beyond traditional quantitative metrics such as financing volumes or nominal GDP growth. The developed methodology, which integrates economic, social, technological, and financial indicators, enables a more nuanced assessment of the effectiveness of lending by multilateral financial institutions. Recommendations are offered for improving the effectiveness of the AIIB and the NDB in financing projects in developing countries, as well as areas for further research on this issue. It is concluded that real shifts in the balance of power in the global economy depend on the ability of new development banks to balance their geopolitical ambitions with the real needs of developing countries.
